

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАЗВАНИЯ “АИСТ”

В.Н. Грищенко

To the question of the origin of name “aist”. - V.N. Grishchenko. - *Berkut*. 5 (2). 1996. - The Russian name “aist” (‘stork’) has not the generally accepted etymology. Different hypotheses are considered and criticized. The old “classic” hypothesis by F. Miklosich (1886), E. Berneker (1908–1923) et al. gives the best explanations of the origin and has most evidences. According to this point of view the name “aist” descends from the German word “Heister” (an old local name of the Magpie). This word has been adopted in Ukrainian and Byelorussian (“hajster”) and later was transformed in Russian “aist”. At first this name concerns only the Black Stork.

Key words: stork, name, etymology.

Если к вам однажды вечером постучали, вы вправе подумать, что пришла в гости английская королева, но гораздо логичнее предположить, что у соседа кончились спички.

Английская пословица.

Происхождению русского слова “аист” — ‘*Ciconia*’ — посвящено множество работ. Ему уделялось, пожалуй, больше внимания, чем какому-либо из других названий наших птиц. Тем не менее проблема остается до конца не решенной. У нас нет иллюзий, что все вопросы исчезнут после публикации этой статьи. Она посвящена в основном критическому разбору появившихся в последние десятилетия гипотез.

“Классическая” версия происхождения названия “аист” звучит так. Из средневерхненемецкого диалекта было заимствовано слово “Heister”. Это одно из старых местных названий сороки (*Pica pica*). Современное ее наименование в немецком языке — “Elster”. “Heister” в польском языке трансформировалось в “hajster”, “hajstra”, затем перешло в украинский и белорусский языки и некоторые диалекты русского в форме “гайстер”. Название было перенесено на черного аиста (*Ciconia nigra*). Эту точку зрения разделяли многие авторы (Miklosich, 1886; Berneker, 1908–1913, цит. по: Grempe, 1975; Булаховский, 1948а; Преображенский, 1959; Антропов, 1982; Етимологичний словник..., 1982–1989 и др.). М. Фасмер (1986) считал такое сближение сомнительным. По мнению Б.В. Кобылянского (1976), слово “гайстер” было напрямую заимствовано из немецкого языка в украинский без посредничества польского.

Первоначально название “аист” относилось только к черному аисту. Белый (*Ciconia ciconia*) на территории России стал гнездиться лишь в XIX в. (Мензбир, 1895; см. также: Грищенко, 1996), поэтому вначале собственного названия в русском языке не имел. Вслед за ним из Белоруссии перекочевало название “бусел” и из Украины “черногуз”, стали возникать местные диалектные наименования. Позже слово “аист” стало официальным научным названием рода *Ciconia*. Таким образом, название “белый аист” не народного, а

книжного происхождения (Лебедева, 1992). Аналогично, кстати, в украинском языке возникло название “чорний лелека”. Слово “лелека” (читается “лэлэка”) — звукоподражательное, связано с клетотом (подробнее об этом см. ниже) и первоначально относится к черному аисту никак не могло.

Помимо этого появилось еще множество гипотез. Сначала другие варианты объяснения происхождения слова “аист” стали искать филологи. Я. Грот (1899, цит. по: Клепикова, 1961) сближал его с нижненемецкими формами типа “adebar”, “aevag” и др., но эта гипотеза не получила поддержки. М. Фасмер (Vasmer, 1913) пытался связать его происхождение с балтийским этнонимом “Aestii”. Это предположение также встретило возражения, поскольку из него следует отрицание родства слова “аист” с формами на -г — hajster и т. п. (Клепикова, 1961). Позже в своем этимологическом словаре сомнения в обоснованности этой гипотезы высказал уже и сам М. Фасмер (1986–1987).

Позднее к поискам “корней” названия “аист” подключились и орнитологи. М.И. Лебедева (1981) пыталась вывести его от греческого слова “Аид” — ‘подземное царство умерших и его бог’. Встретив возражения лингвистов, она легко отказалась от этой своей гипотезы, но так же легко выдвинула другую, не более обоснованную, — название “аист” восходит или к древнеиндийскому “агни” или славянскому “огнь” (Лебедева, 1992). Агни — ‘бог огня, домашнего очага, жертвенного костра’. Поиски на “санскритской почве” продолжили также Л.И. Тараненко и В.П. Белик.

Некоторые гипотезы получаются просто курьезными, потому что автор, “поймав” идею, даже не пытается ее до конца продумать. Так, Л.И. Тараненко (1992) в слове “гайстер” (он приводит его в форме “гайстр”) нашел “корневую первооснову” “гаст”, что, по его мнению, “означает “гостящий” (прилетающий на лето)”. Для того чтобы понять всю нелепость этого предположения, достаточно привести оба рассматриваемых слова в их

* — точка зору автора може не співпадати з позицією редакції.

оригинальном написании — Heister и Gast (нем. — гость). Сходно они звучат лишь в русском языке, где есть только звук [g]. Такой же “прокол” получился и с гипотезой о происхождении слова “аист” от санскритского “*ásti*” — ‘есть’. По Л.И. Тараненко (1992), “а-асти” означало нечто запрещенное к употреблению, то что нельзя есть” (а — отрицание). Оказалось, однако, что “*ásti*” попросту означает “есть” в смысле “быть”, а вовсе не “принимать пищу” (Силаева, 1993). О.Л. Силаева (1993) подвергла справедливой критике и другие некорректные с лингвистической точки зрения версии, высказанные в упомянутой статье. Как и М.И. Лебедева, Л.И. Тараненко (1995) легко расстается с этой неудачной гипотезой и сразу же предлагает новую, подобную. В санскрите нашлось слово “*isti*” — ‘жертва’ и ‘жертвенная пища’. “Отсюда, — заключает автор, — в целом конструкция *aisti* могла бы означать название птицы, которую нельзя ни есть, ни убивать даже для принесения жертвы”. По другой версии В.П. Белика и Л.И. Тараненко (1995), слово “аист” может происходить от санскритского “*agasti*” — ‘мудрец’.

Здесь нужно небольшое “лирическое отступление”. А. Эйнштейн считал, что научная теория должна обладать и “внутренней красотой”, и “внешними доказательствами”. Другими словами, надо заботиться не только о стройности логической конструкции, но и о возможности найти реальные подтверждения вне ее. К сожалению, многие из упомянутых выше гипотез оказываются лишь “замками на песке”, которые смываются первой же волной. Нередко зоологи не составляют себе труда задуматься над тем, насколько предложенная ими гипотеза “вписывается” в закономерности языкознания. Интересно, что сказал бы орнитолог лингвисту, предложившему объединить журавлей, цапель и страусов в один отряд на том основании, что у всех их длинные ноги? Впрочем, справедливости ради надо отметить, что ничуть не лучше получается и если филологи или историки берутся выдвигать “зоологические” гипотезы только с учетом данных своих наук. Хороший пример этому — некоторые несуразные попытки толкования “темных мест”, связанных с природой, в “Слове о полку Игореве” (Шарлемань, в печати). Для того чтобы объяснить происхождение названия той или иной птицы, мало найти созвучное ему слово и предложить более или менее логичное объяснение их связи. Все это должно еще и стыковаться с данными различных наук — лингвистики, истории, этнографии, орнитологии и др. Нужно объяснить и то, как данное название могло попасть к нам, почему укоренилось. Без этого созвучные слова можно искать с тем же успехом и в языке индейцев Огненной Земли или маори Новой Зеландии. Между прочим, у одного из племен австралийских абориге-

нов сапсан (*Falco peregrinus*) называется “*wolga*” (Marchant, Higgins, 1993), но из этого еще не следует вывод, что слово это было заимствовано от названия великой русской реки. Никому не возбраняется, пытаясь познать тайны бытия, выдвигать самые фантастические гипотезы, но... см. эпиграф.

Однако, вернемся к нашим аистам. Санскрит может и не так велик и могуч, как русский язык, но созвучных “аисту” слов в нем можно найти еще, наверное, немало. Чтобы не дискутировать по поводу каждой из вновь появляющихся гипотез, попытаемся заглянуть в корень проблемы. Тому, кто захочет доказать происхождение названия “аист” из санскрита, придется ответить на целый ряд нелегких вопросов.

1. Каким образом это слово попало в русский язык? И М.И. Лебедева, и Л.И. Тараненко даже не пытаются к этому подойти. Они приводят лишь общие рассуждения о том, *почему* данное слово подходит для названия аиста. Однако подобные объяснения можно подобрать практически для любой широко распространенной и популярной птицы. Многие виды связывались у разных народов со всевозможными божествами, служили тотемами, считались священными и т. п. А ведь лингвистами установлено, что в названиях птиц большее число параллелей есть у индоевропейских народов, живущих в Европе, чем у индоевропейцев Европы и Азии. Это относится и к славянским языкам (Булаховский, 19486). По мнению О. Шрадера (цит. по: Булаховский, 19486), почти все сближения славянских названий птиц с индийскими, кроме гуся и утки, принадлежат к числу особенно сомнительных. Н.П. Антропов (1982) к праславянским с “индоевропейской” этимологией относит всего несколько наименований птиц.

2. Если слово “аист” имеет такое древнее происхождение, то, образно говоря, где оно так долго пряталось? Слова “агист” и “оист” зафиксированы в русском языке только в XV–XVI вв., а “аист” — лишь в XVII в. (Лебедева, 1992). Впрочем, как указывает Г. Гремпе (Grempe, 1975), наличие в XVII в. фамилий Аистов и Аист говорит о большей древности этого слова. Все же никаких следов его даже в древнерусском языке нет, не говоря уже о праславянском. Нельзя согласиться с Л.И. Тараненко (1992), предполагавшим, что “как запретный секрет тотема слово “аист”, “аисты”, живя в языке, могло продолжительно сохраняться без письменной фиксации, окончательно проявившись уже после того, как название потеряло связь с табу и перешло в разряд нарицательных”. После введения христианства на Руси церковь активно боролась с проявлениями язычества, и в своих “Поучениях” ее иерархи открытым текстом называли “идолов”, “бесов” и т. п., которым нельзя по-клоняться. Им-то чего бояться языческих табу? Но аисты нигде не упо-

минаются. Причем нет этого слова ни в письменных источниках, ни в старых топонимах. А ведь географические названия очень консервативны, они переживают и народы, и языки. Тура в Украине нет уже несколько столетий, но остались десятки названий населенных пунктов, рек, урочищ. Давно исчезли и черные клобуки, жившие на южном порубежье Киевской Руси, а некоторые данные ими названия сохраняются до сих пор. Что же это за слово-невидимка?

3. Почему даже в языках, близких к русскому, нет названий, производных от слова "аист" (диалектные его варианты не в счет)? Так, украинское слово "лелека" имеет очень древние корни. "Laqalaqa", "laqlaqqi", "raqrqqi" и подобные им звукоподражательные названия употреблялись еще в шумерском и аккадском языках Древней Месопотамии (Schüz, 1986). Очевидно, эта территория и была "эпицентром" происхождения целого семейства названий, многие из которых широко распространены и сейчас в Средней и Южной Азии, Турции, на Балканах, в арабских странах. Немецкое название "Storch" также породило целую волну заимствований: болгарское шъркел, македонское штрк, словенское štoklja, латышское starkis, молдавское cocostirc и др. Правда, не все лингвисты согласны, что такие славянские названия заимствованы из германских языков, поскольку существовали старославянское слово "стъркъ" и древнерусское "стъркъ". Можно предположить и древнее родство между славянскими и германскими формами (Клепикова, 1961). Но происхождение их для нас в данном случае не так важно, главное, что древнее слово породило целый "веер" родственных наименований. Старое латинское название *ciconia* продолжает свою жизнь в итальянском *cicogna*, французском *cigogne*, испанском *sigüeyá* и др.

4. Выведение названия "аист" от слов типа "Аид", "агни", "агасти" и т. п. также приводит к отрицанию родства с формами на -г, против чего возражают многие лингвисты (см. выше).

Между прочим, на языке хинди, который имеет, наверное, несколько большее отношение к санскриту, чем русский, черный аист называется "surmal", белый — "lag-lag", шерстистошейный (*Ciconia episcopus*) — "laglag" (Hancock et al., 1992). Последние два названия являются звукоподражательными.

В древнерусском языке существовало свое название аиста — "стъркъ" или "стеркъ" (Срезневский, 1989). Означало оно, по всей видимости, также черного аиста, а возможно относилось и к другим длинноногим птицам, например, журавлям. В пользу этого может свидетельствовать приводимая И.И. Срезневским цитата из "Златоуструя": "Враномъ и стъркомъ главатица оукрашаеши", т. е., очевидно, идет речь об украшении черными перьями. Конечно, само по себе это еще ничего не доказывает, поскольку и у белого аиста

есть черные перья, да могли иметься в виду и не только они, но все же такое соседство "стерка" с вороном (*Corvus corax*) весьма симптоматично.

Вообще гипотеза В.П. Белика и Л.И. Тараненко (Belik, Taranenko, 1993; Белик, Тараненко, 1995) о сакральном значении черного аиста в древности, на которой в значительной степени базируется "санскритская" версия, имеет много слабых сторон. Она звучит достаточно интересно, но получается какой-то абстрактной, оторванной от реальной жизни. Ее сложно применить к какому-либо народу конкретно. По крайней мере к Киевской Руси она никак не лепится. Мы, конечно, плохо знаем верования и мифологические представления наших предков, но не настолько же плохо. Птицы, бывшие священными или почитаемыми в языческие времена на Руси, известны (см., например, Митрополит Иларіон, 1994). Вид, на уничтожение которого было наложено сакральное табу, это вам не какой-нибудь вестник весны. Хоть какие-то следы его обожествления должны сохраниться. Если даже строго соблюдалось табу на упоминание птицы в письменной форме, то остались бы устные предания. Тысячелетие боролась христианская церковь с языческой табуированной лексикой (грубо говоря — матом), но она процветает и по сей день.

Один из основных аргументов — остатков черного аиста не находят при раскопках стоянок и городищ от палеолита до средних веков (Белик, Тараненко, 1995). Но это еще ни о чем не говорит. Во-первых, объяснить такие факты можно и по другому — на эту птицу по какой-либо причине просто не охотились. Например, украинец или русский без особой нужды не станет есть лягушку, змею или собаку, хотя они отнюдь не являются священными. Если бы остатки черного аиста не находили в поселениях какого-либо одного народа или древней культуры, но они встречались в других, это могло бы быть неплохим аргументом. Но таких остатков *вообще* не находят. За прошедшие тысячелетия на территории Восточной Европы сменилось много народов, культур и, естественно, верований. Вряд ли во всех их черный аист занимал место священной птицы. Значит может быть причина и более общего характера. Например то, что черный аист является энергетически невыгодной добычей. Гоняться за скрытной и осторожной лесной птицей, когда вволю доступной и главное более крупной дичи, особого смысла нет.

Во-вторых, то, что священных или тотемических животных не убивали — лишь одна сторона медали. Существовало также ритуальное поедание их или принесение в жертву. Можно привести пример священной коровы в Индии, убить которую считается преступлением, и даже сейчас водители старательно объезжают "буренку", лежащую посреди дороги. Но стоит вспомнить и другое: в Древней Греции во время вакханалий

женщины в религиозном экстазе растерзывали священного быка (Соколова, 1972). Обычай принесения в жертву священного быка был вообще широко распространен в Восточном Средиземноморье (Мифы народов мира, 1980–1982). Кроме того, считалось, что тотемическое животное охраняет своих почитателей, поэтому различные части его тела или изображения часто использовались в качестве амулетов (Соколова, 1972). Священных и тотемических животных нередко хоронили как людей. Например, в Древнем Египте в каждом доме было животное, которое считалось богом дома. В случае смерти, его мумифицировали наравне с членами семьи (Gattiker, Gattiker, 1989). Понятно, что в таких случаях остаются хоть какие-нибудь следы — амулеты, погребения, изображения и т. п. Ведь находят же множество их в Египте, где поклонение животным сохранялось очень долго. Да и как видно из приведенной выше цитаты из “Златоструя”, аистинные перья использовались на Руси для украшения, что не очень-то вяжется со строгим запретом на добычу этих птиц.

Черный аист был священной птицей у викингов. Его древнее название — *Odensvala* (ласточка Одина). На юге Швеции сохранилось немало топонимов, связанных с ним (Forsberg, Aulén, 1993). Варяги, конечно, могли бы занести представления о священности черного аиста и на Русь. Никаких следов этого, однако, как уже говорилось, мы не видим.

Не более обоснованные гипотезы выдвигает и И.Г. Пидопличко (1968). Он безоговорочно все восточнославянские названия аистов (кроме слова “черногуз”, происхождение которого слишком понятно, чтобы что-нибудь ему приписать) и даже немецкое *Storch* относит к солярным. В этой статье вообще поражает прежде всего безапелляционность суждений и отсутствие даже каких-либо попыток доказать свои идеи. Автор просто постулирует их и приводит непротиворечащие (с его точки зрения) примеры. Все проблемы И.Г. Пидопличко решает одним махом, с оппонентами разделяется легко и просто. Приведем лишь несколько характерных цитат. “Название лелека, или ререка, происходит от древнейшего названия Солнца *Pe (=Pa)*, остальные [бусел и боця — В.Г.] — от славянских названий посвященного Солнцу животного: Бус, Боц, Буц, что значит бык”. Осталось перевести слово ребус как “солнечный бык”. “Не вступая в длинную полемику с названными языковедами [М. Фасмером и А.Г. Преображенским, объяснявшим происхождение слова “бусый” от тюркского “бос” — ‘серый’ — В.Г.], отметим только, что понятие бусый восходит все же к понятию бык, причем степной породы, имевшей серую и пепельную ... окраску...”. “На самом же деле все эти названия [астер, гайстер, родственные им и от них — аист — В.Г.] восходят к одному из древних названий бли-

стающего небесного светила, в первую очередь Солнца, типа греческого “*ἄστρον* и латинского *astra*”. После всего этого разбирать всерьез предлагаемые гипотезы как-то не хочется.

Более чем сомнительными нам представляются и попытки вывести слово “аист” от этнонимов или тем более гидронимов. Гипотеза М. Фасмера (1913), в обоснованности которой он сам впоследствии сомневался, иногда и сейчас всплывает как равноправная с другими, более обоснованными (Белик, Тараненко, 1995). Но названные авторы сами отмечают, что скорее можно ожидать обратного, когда животные дают названия этносам. В древние времена роды и фратрии нередко именовали по названиям их тотемов: род Ворона, род Бобра и т. п. Впоследствии эти наименования могли закрепляться за целыми племенами. Так, индейское племя тлинкитов делилось на две фратрии — Волка и Ворона. У бечуанов (Африка) названия отдельных племен сохранили тотемическое значение и по сей день: батау переводится как “народ Льва”, батлапи — “народ Рыбы” и т. д. (Соколова, 1972). Названия же птиц, возникшие от этнонимов (типа индейки), — чаще видовые, как бы уточняющие “происхождение” того или иного представителя данного рода: сирийский дятел (*Dendrocopos syriacus*), эскимосский кроншнеп (*Numenius borealis*), немецкое название кольчатой горлицы (*Streptopelia decaocto*) *Türkentaube* (турецкий голубь) и т. п. Многие из них являются чисто книжными. Индейка (*Meleagris gallopavo*) тоже раньше была индейским петухом (Даль, 1978–1980).

Л.А. Булаховский (1948а) выделяет группу названий птиц по народам. Сближение имеет в виду внешность, особенности характера и т. п. Но такие наименования диалектные и мало распространенные, кроме того, во многих случаях это переосмысленные названия другого происхождения. Так, украинское диалектное название степной тиркушки (*Glareola nordmanni*) “киргиз” (Булаховский, 1948а) — не что иное, как измененное давнее звукоподражательное наименование. Другая его форма — “киргик” — достаточно ясно об этом свидетельствует. Еще одно украинское диалектное название тиркушки — “грицик” — такое же переосмысление, но “в другую сторону”.

В.П. Белик и Л.И. Тараненко (1995) не учитывают еще один существенный момент. Эстиями (*Aestii*) Тацит обобщенно называл балтийские племена, жившие к востоку от Вислы. Слово это он заимствовал у германцев. На один из финноугорских народов, предков нынешних эстонцев, название было перенесено лишь в IX–XI вв. (Грушевский, 1994). Топонимы типа “*Aistmares*” (старое литовское название Вислинского залива) также происходят скорее от этноса, чем от птицы. В связи с этим, именовать Эстонию “страной аистов” несколько преждевременно. По мнению Л.А. Булаховского (1948а), кстати, лишь в единичных

случаях есть основания предполагать проникновение в восточнославянские языки названий птиц балтийского происхождения.

Благодаря значительному месту, которое белый аист занимает в мифологии различных народов, у любителей построения красочных гипотез происхождения его названий в разных языках большой популярностью пользуются всевозможные божества и стихии. Ах, какой соблазн связать украинское название "лелека" со славянским богом любви Лелем! В это созвучие так красиво вписывается всем известное поверье, что белый аист приносит детей. Не удивительно, что такая гипотеза действительно есть, по крайней мере о ней упоминает в своей книге В.Е. Борейко (1996). Правда, аист приносит детей не только славянам, но и немцам и многим другим народам, у которых любовью "заведовали" другие боги. С другой стороны сходные названия есть у большого количества соседних народов, куда Лель уже "не дотягивался". Узбекский коллега Э. Шерназаров слово "лелека" понял без перевода. Но на такие "мелочи" можно не обращать внимания ради столь поэтично звучащей гипотезы. Увы, это лишь радужные переливы на мыльном пузыре.

По нашему мнению, белый аист заселил Украину в XV–XVII вв., когда языческие боги были уже не в фаворе (Грищенко, 1996), но допустим, что это предположение ошибочно, и он был там и раньше, или что влияние язычества еще было достаточным для возникновения названия и позже. Тогда как объяснить наличие множества родственных с "лелекой" названий, например, у арабов, турков и народов, которые с ними тесно контактировали? У славян они распространены только на Балканах и в Украине (Клепикова, 1961). Да и по первоначальному варианту поверья белый аист приносит *души* детей, а вовсе не их самих (Gattiker, Gattiker, 1989). Оно, очевидно, восходит еще к древним представлениям, что птицы были посредниками между небом и землей и переносили души людей. Доисламские бедуины считали, что после смерти тела душа продолжает существовать в облике птицы (Gattiker, Gattiker, 1989). Именно отсюда берет начало распространенное у мусульман поверье, что в белых аистов превращаются души праведных, не совершивших предписанного Кораном паломничества к гробу пророка Магомета.

Звукоподражательное или, как говорят лингвисты, ономотопеическое происхождение слова "лелека" не вызывает сомнения. В отличие от названия "аист", особых разногласий у языковедов по нему нет (Клепикова, 1961; Етимологічний словник..., 1982–1989 и др.). Трещание клювом белого аиста многие народы передают сходно: укр. – клекіт, рус. – клекот, нем – Klappern и т. п. Везде слышится слог "лэк", "лак", "лап". О том же, что слово это все-таки является заимствованным, свидетельствуют распространенные в

некоторых украинских говорах собственные звукоподражательные названия белого аиста: "клекотун", "глекотень", "клекотень", "длекотень" (Лисенко, 1974; наши данные). Они не начинаются с "л". "Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы", — писал А. Блок. Сложно сказать, как насчет скифов, но вот "азиатских" слов — тюркоязычного происхождения — и в украинском, и в русском языках достаточно.

К сожалению, никто из упомянутых выше авторов-зоологов, предлагавших свои гипотезы происхождения слова "аист", не удосужился толком рассмотреть старую версию, и указать, чем же она их не устраивает. Л.И. Тараненко (1995) пишет по поводу статей М.И. Лебедевой (1981, 1992): "Основательно проанализировав в них славянские варианты названий черного и белого аистов, автор приходит к выводу о том, что русское слово "аист" не связано с германским Heister...". Но на самом деле в статьях М.И. Лебедевой *нет* такого анализа и *нет* аргументов, которые позволили бы сделать подобный вывод. Она пишет о названиях, упоминает различные варианты, но совсем не анализирует их, не делает критический разбор других гипотез. Вот две цитаты из последней работы: "Мы считаем, что в языках славянской группы действительно живут названия птицы, сходные с Heister ... [следует перечисление — В.Г.]. Что же касается слова аист, мы полагаем, что оно имеет другой, самостоятельный источник". И немного дальше: "Тем не менее мы убеждены, что названия птицы в русском языке агист, оист и аист не связаны с германским Heister, а имеют самостоятельный источник". Согласитесь, что при помощи слов "мы полагаем" и "мы убеждены" невозможно опровергнуть никакой гипотезы, даже самой абсурдной. В первой своей статье М.И. Лебедева (1981) также говорит лишь о том, что слово "аист" не имеет единой этимологии и что трудно согласиться с гипотезой происхождения его от немецкого "Heister". Это и есть тот "основательный анализ"?

По нашему мнению, "классическая" версия вполне удовлетворительно объясняет происхождение названия "аист". Во всяком случае она делает это лучше, чем любая другая. Неясными остаются лишь некоторые детали. Слово "гайстер" превратилось в "аист" путем упрощения произношения. Подобным образом появилось украинское слово "бурштин" (янтарь) из немецкого "Bernstein" (Етимологічний словник..., 1982–1989), или русское "устрица" из голландского "oester" (Фасмер, 1986–1987). Довольно распространенный топоним "Егорлык" ("Ягорлык") возник из тюркского "ägrilik" (кривизна) под влиянием русского имени Егор (Фасмер, 1986–1987). Чужое и "неудобоваримое" для произношения в данном языке слово в народных говорах неизбежно трансформируется. Так, в некоторых селах на Сумщине недавно появившегося у нас

паразита пчел клеща варроа пчеловоды упорно называют варорой. По Л.А. Булаховскому (1948а), большое количество названий птиц, особенно диалектных, обращается в измененном первоначальном виде — с переосмысленной этимологией или просто в искаженной форме. Так, заимствованное из тюркских языков название "казарка" ("казара") в некоторых украинских диалектах было переделано в "гусарку" (Булаховский, 1948а).

Путем трансформации старых слов могли возникнуть и другие наименования. Так, в Полесье белого аиста местами называют "Иван" (Толстой, 1984). Вполне вероятно, что это переделанное под влиянием распространенного имени давнее название "ивин". Согласно "Лексикону славеноросскому" Памво Беринды 1627 г., ивин — птица, кормящаяся ужами, подобная боцяну, т. е. аисту (Митрополит Іларіон, 1994). В.И. Даль (1978–1980) относит это слово к названиям ибиса. Аналогично случаю с топонимом "Егорлык", люди переделали слово с забытым уже, очевидно, значением в более близкое к "родному очагу".

Суффикс -ер в слове "гайстер" отпал. Примеров же соответствия начального га- в украинском языке а- в русском можно найти предостаточно: Ганна — Анна, гаспид — аспид, гайда — айда, гарба — арба, гамати — амать, гарбуз — арбуз и т. п. Да и одна из фонетических форм названия "гайстер" — айстер. Кстати, многие из таких слов заимствованы.

Сохранилось множество диалектных названий, которые можно выстроить в ряд, показывающий, как шло превращение: гайстер — гайстр, аист — айстер, гарист, гарис, гастир, астер, оист и т. д. Некоторые из них могли возникнуть как искажения первоначального слова. Вероятно к таким искажениям можно отнести и распространенные на северо-западе России названия "калист" и "галис". По крайней мере нам это кажется гораздо более правдоподобным, чем предположение М.И. Лебедевой (1981) о происхождении названия "калист" от мужского имени Каллист, или интерпретация Л.И. Тараненко (1992) названия "галис" как "галицкий", известный из Галиции.

Переход названия "гайстер" с сороки на черного аиста также не является непреодолимым препятствием. Примеров неадекватного переноса названий животных и растений из одного языка в другой можно найти множество. В украинском языке жабой называется лягушка, гарбуз — 'тыква', в украинском и польском языках чайка — 'чибис (*Vanellus vanellus*)'. Много таких "нестыковок" можно найти, к примеру, между польским языком с одной стороны и восточнославянскими с другой (польские названия приводятся по книгам: Tomiałojć, 1990 и Czarnecki et al., 1991). В польском языке ohar — 'пеганка (*Tadorna tadorna*)'; название "kazarka" относится к

огарю (*T. ferruginea*), в русском же — к гу-сям родов *Branta* и *Rufibrenta*. Родовое название казарок в польском языке — bernikla. В польском название "kuliki" относится только к кроншнепам, trawnik — это 'фифи (*Tringa glareola*)', каниюком (kaniuk) называют дымчатого коршуна (*Elanus caeruleus*). В польском kulon — 'авдотка (*Burhinus oedicephalus*)', в украинском кульон — 'кроншнеп'. В украинском языке чапля — 'цапля', по чешски же čar — 'аист'.

Сорока и аист, конечно, имеют меньше общего, чем упомянутые выше виды, но причину переноса все же найти можно. Известно, что раньше возникли родовые названия птиц (Антропов, 1982). Причем "родовые" не в смысле современной систематики. Это объединение различных видов по одному или нескольким признакам. Во время учетов белого аиста на территории Украины мы столкнулись с тем, что в некоторых местностях его называют журавлем. Можно, конечно, отмахнуться от этого и списать все на современное невежество, но не исключено и то, что это отголосок древнего объединения длинноногих водно-болотных птиц в одну группу. Если даже К. Линней строил свою систему на произвольно взятых признаках, то что можно ожидать от наших далеких предков, менее искушенных в научной зоологии? Таким объединяющим признаком могли быть, например, особенности окраски оперения, поэтому и произошел перенос названия с одной контрастно окрашенной черно-белой птицы на другую. Возможно, что сыграло свою роль и что-нибудь другое.

Есть примеры и более отдаленной "нестыковки" названий. Так, клуша — это и 'чайка (*Larus fuscus*)', и 'курица-наседка', а в некоторых диалектах — 'галка (*Corvus monedula*)' (Булаховский, 1948а; Даль, 1978–1980). Как пишет Л.А. Булаховский (1948а), перенос названий с одних птиц на других не был в истории славянских языков редким явлением.

Можно найти аналогию переноса названия сороки на другую птицу и в современном языке. Это кулик-сорока (*Haematopus ostralegus*), у которого, кстати, трудно найти что-либо общее с ней, помимо окраски оперения. Если сократить это название (аналогично до весничка (*Phylloscopus collybita*), вместо пеночка-весничка), получим просто сороку. Н.Н. Сомов (1897) приводит старое польское название черного аиста — bosian hajstra. Подобные изменения названия путем сокращения не так уж редки. Чеграва (*Hydroprogne caspia*) раньше была чегравой крачкой (Булаховский, 1948а). По В.И. Далю (1978–1980), чегравый (чагравый) — 'темно-пепельный, бурый'. Диалектное название, связанное с окраской, было изменено и переосмыслено.

Но дело в том, что в данном случае проблема переноса названия решающего значения вообще не имеет. Слово "аист" возникло-то не напрямую

от названия сороки, а от слова "гайстер". Оно же и в украинском, и в белорусском языках относится к аисту. Каково происхождение самого слова "гайстер" — это уже отдельный вопрос.

В пользу происхождения слова "аист" от "гайстер" может свидетельствовать и распространение этих названий. "Гайстер" встречается на северо-востоке Украины, в Киевской, Черкасской и Полтавской областях (Клепикова, 1961; Лисенко, 1974; наши данные) и в Белоруссии ("гайстер"). В России распространено название "аист". На территории Украины оно попадает лишь как заимствование из русского. Различные же переходные формы встречаются как раз в зоне контакта русского языка с украинским. Название "аист" приводит Н.Н. Сомов (1897) для Харьковской губернии, слово "гайстер" отмечено в Новгород-Северском районе Черниговской области (Лисенко, 1974) и в Шосткинском районе Сумской области (Н.П. Кныш, личное сообщение), "гайстер" — в Путивльском районе Сумской области (Лисенко, 1974).

Хронология появления отдельных слов также не противоречит этой гипотезе. Слово "гайстер" известно с XV в. (Лебедева, 1992), т. е. оно было заимствовано раньше, чем появились названия, которые можно трактовать как производные от него.

Слово "агист" зафиксировано в русском языке раньше, чем "аист". Немецкий филолог Г. Гремпе (1975) выдвинул гипотезу о независимом происхождении названий "гайстер" и "аист". Он предполагает, что последнее слово возникло от средневерхненемецкого "agist" (также давнее диалектное название сороки). Эта гипотеза также интересна и заслуживает внимания, но, по нашему мнению, версия происхождения слова "аист" от "гайстер" имеет больше доказательств и на сегодняшний день лучше проработана.

ЛИТЕРАТУРА

Антропов Н.П. (1982): Названия птиц в белорусском языке на общеславянском фоне. Автореф. ... канд. филол. наук. Минск. 1-21.

Белик В.П., Тараненко Л.И. (1995): Тайна черного аиста. - Жизнь птиц. 1: 7, 2-3; 8.

Борейко В.Е. (1996): Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. Киев. 1-224.

Булаховский Л.А. (1948а): Семасиологические этюды. Славянские наименования птиц. - Вопр. слав. языкознания. Львов. 1: 153-197.

Булаховский Л.А. (1948б): Общеславянские названия птиц. - Изв. АН СССР. Отд. л-ры и языка. 7 (2): 97-124.

Грищенко В.М. (1996): Білий лелека. Чернівці. 1-127.

Грушевський М. (1994): Історія України-Руси. Київ: Наукова думка. 1: 1-736.

Даль В.И. (1978-1980): Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык. 1: 1-699; 2: 1-779; 3: 1-555; 4: 1-683.

Етимологічний словник української мови. (1982-1989): Київ. 1: 1-631, 2: 1-570, 3: 1-549.

Клепикова Г.П. (1961): Славянские названия птиц (аист, ласточка, ворон). - Вопр. слав. языкознания. М.: АН СССР. 5: 149-185.

Кобильянский Б.В. (1976): До вивчення германізмів і полонізмів в українській мові. - Мовознавство. 6: 31-35.

Лебедева М. (1981): Почему они аисты? - Наука и жизнь. 9: 136-138.

Лебедева М.И. (1992): О происхождении названий аистов. - Аисты: распростр., экология, охрана. Минск: Наука і техника. 8-14.

Лисенко П.С. (1974): Словник поліських говорів. Київ: Н. думка. 1-260.

Мензбир М.А. (1895): Птицы России. М. 1: 1-836.

Митрополит Ларіон (1994): Дохристиянські вірування українського народу. Київ: Обереги. 1-424.

Мифы народов мира. (1980-1982): М.: Советская энциклопедия. 1: 1-672; 2: 1-720.

Пидопличко И.Г. (1968): О происхождении названий некоторых птиц. "Птицы Солнца". - Вестн. зоол. 3: 79-83.

Преображенский А.Г. (1959): Этимологический словарь русского языка. М. 1-1284.

Силаева О.Л. (1993): О лингвистической ответственности в изучении названий птиц (критические заметки по поводу одной статьи). - Социально-орнитол. идеи и предложения. Ставрополь. 3: 23-27.

Соколова З.П. (1972): Культ животных в религиях. М.: Наука. 1-216.

Сомов Н.Н. (1897): Орнитологическая фауна Харьковской губернии. Харьков: Тип. А. Дарре. 1-680.

Срезневский И.И. (1989): Словарь древнерусского языка. М.: Книга. 3: 1-910.

Тараненко Л.И. (1992): Об изучении названий птиц. - Социально-орнитол. идеи и предлож. Ставрополь. 2: 17-20.

Тараненко Л.И. (1995): Еще об изучении названий птиц. - Социально-орн. идеи и предлож. Ставрополь. 5: 40-47.

Толстой Н.И. (1984): Иван-аист. - Слав. и балкан. языкознание. М.: Наука. 115-118.

Фасмер М. (1986-1987): Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс. 1: 1-576, 2: 1-672, 3: 1-832, 4: 1-864.

Шарлемань Н.В. (в печати): Природа и люди Киевской Руси. Киев. 1-166.

Belik V.P., Taranenko L.I. (1993): The history of the Black Stork studied by non-traditional methods. - 1st Intern. Black Stork Conserv. and Ecol. Symp. Jurmala. 29.

Czarnecki Z., Dobrowolski K.A., Jablonski B., Nowak E. (1991): Ptaki Europy. Warszawa: ELIPSA. 1-228.

Forsberg M., Aulén G. (1993): The occurrence of the Black Stork in Sweden. - 1st Intern. Black Stork Conserv. and Ecol. Symp. Jurmala. 37.

Gattiker E., Gattiker L. (1989): Die Vögel im Volksglauben. Wiesbaden: AULA. 1-589.

Grempe G. (1975): Russ. aist - 'Storch'. - Wiss. Zeitschr. Univ. Rostok. Gesellschafts- und Sprachwiss. Reihe. 24 (6): 529-532.

Hancock J.A., Kushlan J.A., Kahl M.P. (1992): Storks, Ibises and Spoonbills of the World. Academic Press. 1-385.

Marchant S., Higgins P.J. (Eds.). (1993): Handbook of the Australian, New Zealand and Antarctic Birds. Melbourne: Oxford Univ. Press. 2: 1-984.

Schüz E. (1986): Über die Namen des Weißstorchs (*Ciconia ciconia*) als Ausdruck einer vielfältigen Mensch-Vogel-Beziehung. - Beih. Veröff. Naturschutz Landschaftspflege Bad.-Württemberg. Karlsruhe. 43: 15-24.

Tomiałojć L. (1990): Ptaki Polski. Rozmieszczenie i liczebność. Warszawa: Państwowe Wyd. Naukowe. 1-462.

Vasmer M. (1913): Kritisches und Antikritisches zur neuen slavischen Etymologie. - Rocznik Slawistyczny. 6: 208-209.

Украина (Ukraine),
258300, Черкасская обл.,
г. Канев, Каневский заповедник.
В.Н. Грищенко.